

Под управлением любви

ГЕОРГИЮ ДАНЕЛИИ — 75 ЛЕТ. ОН СНОВА НАМЕРЕН СНИМАТЬ «КИН-ДЗА-ДЗУ». МУЛЬТИПЛИКАЦИОННУЮ. ДЛЯ МОЛОДЫХ

ЭКСКЛЮЗИВ

Марина ТОКАРЕВА

Казалось, я хорошо его знаю. Хотя мы никогда не встречались. Каким может быть автор таких фильмов? Похожим на них — само собой. А значит, ироничным и щедрым, веселым, свободным, мудрым — творцом и ценителем обаяния жизни.

— Почему вы меня все время перебиваете?!

В течение двухчасовой попытки интервью («Журналистов не пускаю и никаких исключений больше не делаю!») права на диалог заслу-

«Ларису Иванну хачу!» — «Мимино» с Бубой Кикабидзе разошелся на цитаты

Культурные герои «Осеннего марафона» и «Кин-дза-дзы» — Марина Неёлова и Олег Басилашвили; Евгений Леонов и Юрий Яковлев

жить не удалось. Нарушить несокрушимое внутреннее уединение — тоже. Ни с кем из поздних патриархов российской культуры, среди которых Дмитрий Лихачев, Борис Плотников, Георгий Товстоногов, Александр Володин, Виктор Коненский, Даниил Гранин, не было так трудно разговаривать, как с Георгием Николаевичем Данелией на пороге его 75-летия.

В редакции, расшифровав пленку, поняла: человек, живущий над Чистыми прудами, действительно похож на свое кино — и потому может казаться нелюдимым, мрачным, скептическим. За пристальным взглядом и двойной дверью кабинета хранятся сокровища, засвеченные на пленке лишь частично. Хозяин волен делиться ими, с кем хочет. Страна состоит из его зрителей. Нам остается брать и благодарить.

Подчиняюсь только фильму

Ошибочно считается, что фильмы Данелии — комедии. Лирические. Он не укладывается ни в какой жанр, кроме собственного.

Изверг — так в глаза (друзья) и за глаза (недрузья) называют классика людей, работавших с Данелией. Как настоящий архитектор (которым он собирался, но не удостоил стать) он долго строит костяк фильма — сценарий. Пишет и переписывает. Требует бесконечных переделок. Отснятый материал в любой момент готов изрезать. Ему не ведом страх.

— Кроме страха снять хуже, чем можно! После каждой картины мне кажется, что все — сценарий, музыка, монтаж, мизансцены — ужасно! Знаю, что совершенства не достичь, но всегда хочу, чтобы всё было на пределах возможнос-

тей. Если мне скажут: фильм будет лучше, если не будет стоять моя фамилия, соглашусь. Одно мое интервью называлось «Его Величество фильм». Я перед фильмом преклоняюсь, он мной командует, я у него в подчинении, перед ним подхожу, с ним заигрываю, и что он мне приказывает, то я и делаю...

Своими «талисманами» Данелия считает Евгения Леонова и Бубу Кикабидзе. Самыми личными фильмами — «Не горюй!» и «Осенний марафон».

Бузыкина, героя «Марафона», мужская часть зрителей присвоила со стыдливой гордостью: вот он, де-

ся объяснение, Басилашвили и Гундарева играют великолепно. Я смотрю, мне скучно. Все наперед знаю. И все знают. Пересняли. Сократили. Скучно.

И вдруг я понимаю: Алла ж герою курточку подарила — куда он её дел? Во дворе не мог оставить? Нет. На лестнице? Нет. Значит, пришел домой в куртке! Вошел на цыпочках, стал прятать её в пианино. Жена окликнула, крышка пианино упала. С грохотом! К этому моменту на площад-

первой сцены начала так, будто она последняя. Я ей сказал: Марина, если человек сомневается, уходить ему от жены или нет, а у него любовница такая ведьма — о чем мне дальше кино снимать? Что этот дурак все время к этой ведьме бежит?! И что ты дальше будешь играть? Надо притвориться, как вы все это умеете делать...

В итоге посредником между нами стал Володин. Он шел и говорил: «Мариночка, Георгий Николаевич просит вас сделать так...»

«Осенний марафон» я впервые снимал в Ленинграде. Этот город меня всегда раздражал — дома одни, а люди на улицах другие, не от этой архитектуры. Поэтому в фильме проехала всадница на лошади. Откуда она взялась? А черт его знает! Но я сказал: пусть едет утром, в спортивном костюме для достоверности. И вот когда она проехала, я с городом примирился...

Главный зритель — Феллини

Данелия утверждает, что снимает фильмы для себя и для еще одного главного зрителя. В разные времена этим «еще одним» были Михаил Ромм, Сергей Бондарчук, Федерико Феллини. А в последние годы — Тонино Гуэрра. Но в ответ на вопрос, когда бываете счастливы, признается:

— Счастье, когда ты смотришь свой фильм, и он тебе нравится. Но не один на один! Да, ты мучился, ты монтировал, ты сдавал, на-

(не в Госкино и не в ЦК) препятствовал его «серьезным» намерениям. Великие моменты его кино — от поминок в «Не горюй!» до телефонного разговора с Тель-Авивом в «Мимино» — ценят повсюду. Но всё, что он снял, снято в тени великой русской литературы, на перекрестке двух вечных городов — Москвы и Тбилиси.

На съемочной площадке Данелию не рассмешить. Как человек с чувством юмора, равным мировоззрению, он по большей части суров. Хорошую отметку ставит себе за четыре фильма — «Я шагаю по Москве», «Не горюй!», «Мимино» и «Осенний марафон» (на круглое пятнадцать, по мнению Георгия Николаевича, снимал лишь Феллини). Тем ценнее медаль «Амаркорд», учрежденная великим мастером, вычеканенная по рисунку Параджанова и врученная Данелии.

Пассажир без билета

Автор лучшего пожелания своему (и любому) современнику — «Не горюй!», Данелия не всякий день находит силы следовать собственному императиву. Дом на Чистых прудах — крепость на острове, между ним и временем, его обтекающим, как сегодня представляется режиссеру, ширится полоса отчуждения.

— Современность я не понимаю, и она меня мало интересует. Всё, что мог, я снял. Человека переделать нельзя.

В начале прошлого века социалистическая газета обратилась с вопросами к Толстому. Он ответил: прекрасно, когда все живут хорошо, излишки отняли у богатых и отдали бедным. Но кто будет отбирать и раздавать? Не ангелов же призвать? Кто будет раздавать, в руках тех все и останется. Поэтому, сказал Толстой, я против социализма.

Так произошло во время революции. Сейчас происходит так же.

Страсть к войне, несмотря на гигантские скачки цивилизации, заставляет мир всё больше отставать духовно. И люди, которые воюют, возвращаются в общество. Рождается потребность в насилии, как в наркотике.

...Данелия пишет новый сценарий — на сей раз для анимации «Кин-дза-дза»; он закончил вторую книгу. Первая, «Безбилетный пассажир», остроумная и нежная, вышла два года назад. Её прочел Фазиль Искандер и сказал: «Какая грустная книжка!»

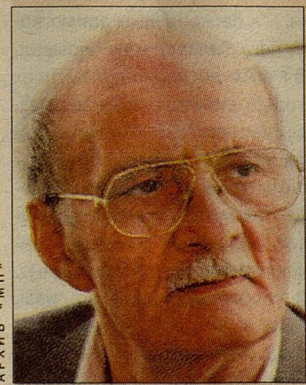
— О ком-то я вспоминаю с юмором, а потом оказывается, этого человека уже нет. Но если бы я о нем рассказывал по-другому, мне кажется, он бы — там! — не почувствовал, как я его люблю.

Когда писал первую книжку, Коненский был жив. Звоню ему, говорю: этот эпизод не возражаешь, если я напечатать? Он отвечает: что ты придумал?! Этого не было. И рассказал эпизод, которого не было. Я напечатал оба...

С первого фильма — «Сергея» — занесенный в реестр «многообещающих», Данелия выполнил больше, чем обещал. Как писатель свою интонацию, он создал собственный способ рассказа, свой жанр — «негорючее» кино, свидетельствующее присутствию добра и света. Оно есть на пленке — значит, в мире. ■

ДОСЛОВНО

«Мой друг Олег Жагар говорил, что жизнь человека состоит из драки и любви. Любовь — это любовь, а драка — это работа. Для женщины главное — любовь, для мужчины — драка. И я почти целиком посвятил себя драке. Когда работал, ни о чем другом думать не мог, и очень мало внимания уделял своим детям — Ланочке, Кольке, Кириллу...

Многих, о ком я пишу в книжке, уже нет. Для меня самое страшное — что нет Кольки, моего Коленки. Часто думаю, увидимся ли мы еще или нет? Так хочется увидеться. И извиниться. Перед ним, перед родителями, перед другими...

Мне почему-то кажется, что еще увидимся, что эта жизнь — не начало и не конец. Набоков писал, что жизнь — только щель слабого света между двумя идеально черными вечностями. А мне кажется, жизнь — полустанок: ехал в поезде, сошел на полустанке, потом поедешь дальше... А там, в поезде, ты снова встретишь тех, кого хочешь встретить... Мне повезло, я хочу встретить многих».

(Из книги «Безбилетный пассажир»)

скачать, с кем ни крути, тип наших отношений с суровой действительностью. Режиссеру и драматургу даже пеняли: что ж вы, ребята, так заложили нашего брата...

— У Володи был блестящий сценарий. Но другой. Мы переписывали его прямо на площадке. К примеру, известная сцена: Бузыкин приходит домой от Аллы, сильно задержавшись. Начинает-

ке от хохота лежали все, громче всех смеялся Володин. За пять минут он написал новую сцену, в финале которой жена отдирает рукава и выбрасывает куртку в окно. А потом в ней приходит Леонов.

...Предполагаю: ситуация картины была для многих её участников, как для меня, — очень личной. Марина Неёлова с

конец, показал родственникам, потом на премьере в Доме кино — все не то. Но вот ты пошел в кинотеатр, сел среди зрителей. И если сцепились зал с экраном, и идет точная реакция — вот счастье!

Данелия не снял, как хотел, «Преступление и наказание», «Поединок», «Хаджи-Мурата», «Зиму тревоги нашей». Будто кто-то свыше

79-23,08,05

Данелия (написано)

119